

*Рождественские
стихи*

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РОМАНС

Евгению Рейну, с любовью

Плывет в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

Плывет в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьяниц.
В ночной столице фотоснимок
печально сделал иностранец,
и выезжает на Ордынку
такси с больными седоками,

и мертвецы стоят в обнимку
с особняками.

Плывет в тоске необъяснимой
певец печальный по столице,
стоит у лавки керосинной
печальный дворник круглолицый,
спешит по улице невзрачной
любовник старый и красивый.
Полночный поезд новобрачный
плывет в тоске необъяснимой.

Плывет во мгле замоскворецкой
пловец в несчастье случайный,
блуждает выговор еврейский
на желтой лестнице печальной,
и от любви до невеселья
под Новый год, под воскресенье,
плывет красotka записная,
своей тоски не объясняя.

Плывет в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льется мед огней вечерних
и пахнет сладкою халвою,

ночной пирог несет сочельник
над головою.

Твой Новый год по темно-синей
волне среди моря городского
плывет в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнется снова,
как будто будут свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнется вправо,
качнувшись влево.

28 декабря 1961

1 ЯНВАРЯ 1965 ГОДА

Волхвы забудут адрес твой.
Не будет звезд над головой.
И только ветра сильный вой
расслышишь ты, как встарь.
Ты сбросишь тень с усталых плеч,
задув свечу пред тем, как лечь,
поскольку больше дней, чем свеч,
сулит нам календарь.

Что это? Грусть? Возможно, грусть.
Напев, знакомый наизусть.
Он повторяется. И пусть.
Пусть повторится впредь.
Пусть он звучит и в смертный час,
как благодарность уст и глаз
тому, что заставляет нас
порою вдаль смотреть.

И молча глядя в потолок,
поскольку явно пуст чулок,
поймешь, что скупость — лишь залог
того, что слишком стар.
Что поздно верить чудесам.
И, взгляд подняв свой к небесам,
ты вдруг почувствуешь, что сам —
чистосердечный дар.

Январь 1965

РЕЧЬ О ПРОЛИТОМ МОЛОКЕ

I

1

Я пришел к Рождеству с пустым
карманом.

Издатель тянет с моим романом.
Календарь Москвы заражен Кораном.
Не могу я встать и поехать в гости
ни к приятелю, у которого плачут детки,
ни в семейный дом, ни к знакомой девке.
Всюду необходимы деньги.
Я сижу на стуле, трясусь от злости.

2

Ах, проклятое ремесло поэта.
Телефон молчит, впереди диета.

Можно в месткоме занять, но это
— все равно что занять у бабы.
Потерять независимость много хуже,
чем потерять невинность. Вчуже
полагаю, приятно мечтать о муже,
приятно произносить «пора бы».

3

Зная мой статус, моя невеста
пятый год за меня ни с места;
и где она нынче, мне неизвестно:
правды сам черт из нее не выбьет.
Она говорит: «Не горюй напрасно.
Главное — чувства! Единогласно?»
И это с ее стороны прекрасно.
Но сама она, видимо, там, где выпьет.

4

Я вообще отношусь с недоверьем
к ближним.
Оскорбляю кухню желудком лишним.
В довершение всего досаждаю личным
взглядом на роль человека в жизни.

Они считают меня бандитом,
издеваются над моим аппетитом.
Я не пользуюсь у них кредитом.
«Наливайте ему пожиже!»

5

Я вижу в стекле себя холостого.
Я факта в толк не возьму простого,
как дожил до от Рождества Христова
Тысяча Девятьсот Шестьдесят Седьмого.
Двадцать шесть лет непрерывной тряски,
рытья по карманам, судейской таски,
ученья строить Закону глазки,
изображать немого.

6

Жизнь вокруг идет как по маслу.
(Подразумеваю, конечно, массу.)
Маркс оправдывается. Но по Марксу
давно пора бы меня зарезать.
Я не знаю, в чью пользу сальдо.
Мое существование парадоксально.
Я делаю из эпохи сальто.
Извините меня за резвость!

7

То есть все основания быть спокойным.
 Никто уже не кричит «По коням!»
 Дворяне выведены под корень.
 Ни тебе Пугача, ни Стеньки.
 Зимний взят, если верить байке.
 Джугашвили хранится в консервной
банке.

Молчит орудие на полубаке.
 В голове моей — только деньги.

8

Деньги прячутся в сейфах, в банках,
 в чулках, в полу, в потолочных балках,
 в несгораемых кассах, в почтовых бланках.
 Наводняют собой Природу!
 Шумят пачки новеньких ассигнаций,
 словно вершины берез, акаций.
 Я весь во власти галлюцинаций.
 Дайте мне кислороду!

9

Ночь. Шуршание снегопада.
 Мостовую тихо скребет лопата.

В окне напротив горит лампада.
Я торчу на стальной пружине.
Вижу только лампаду. Зато икону
я не вижу. Я подхожу к балкону.
Снег на крыши кладет попону,
и дома стоят, как чужие.

II

10

Равенство, брат, исключает братство.
В этом следует разобраться.
Рабство всегда порождает рабство.
Даже с помощью революций.
Капиталист развел коммунистов.
Коммунисты превратились в министров.
Последние плодят морфинистов.
Почитайте, что пишет Луций.

11

К нам не плывет золотая рыбка.
Маркс в производстве не вяжет лыка.
Труд не является товаром рынка.
Так говорить — оскорблять рабочих.

Труд — это цель бытия и форма.
Деньги — как бы его платформа.
Нечто помимо путей прокорма.
Размотаем клубочек.

12

Вещи больше, чем их оценки.
Сейчас экономика просто в центре.
Объединяет нас вместо церкви,
объясняет наши поступки.
В общем, каждая единица
по своему существу — девица.
Она желает объединиться.
Брюки просятся к юбке.

13

Шарик обычно стремится в лузу.
(Я, вероятно, терзаю Музу.)
Не Конкуренции, но Союзу
принадлежит прекрасное завтра.
(Я отнюдь не стремлюсь в пророки.
Очень возможно, что эти строки
сократят ожидания сроки:
«Год засчитывать за два».)

Пробил час и пора настала
 для брачных уз Труда — Капитала.
 Блеск презираемого металла
 (дальше — изображение в лицах)
 приятней, чем пустота карманов,
 проще, чем чехарда тиранов,
 лучше цивилизации наркоманов,
 общества, выросшего на шприцах.

Грех первородства — не суть сиротства.
 Многим, бесспорно, любезней скотство.
 Проще различье найти, чем сходство:
 «У Труда с Капиталом контактов нету».
 Тьфу-тьфу, мы выросли не в Исламе,
 хватит трепаться о пополаме.
 Есть влечение между полами.
 Полюса создают планету.

Как холостяк я грущу о браке.
 Не жду, разумеется, чуда в раке.

СОДЕРЖАНИЕ

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СТИХИ

Рождественский романс	7
1 января 1965 года	10
Речь о пролитом молоке	12
Anno Domini	30
«Второе Рождество на берегу...»	34
24 декабря 1971 года	36
Лагуна	39
«Снег идет, оставляя весь мир в меньшинстве...»	45
«Замерзший кисельный берег. Прячущий в молоке...»	46
Рождественская звезда	48
Бегство в Египет	50
«Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере...»	51
«Неважно, что было вокруг, и неважно...»	53
Presepìo	55

Колыбельная	57
25. XII. 1993	60
«В воздухе — сильный мороз и хвоя...»	61
Бегство в Египет (2)	63
РОЖДЕСТВО: ТОЧКА ОТСЧЕТА	
<i>Беседа Иосифа Бродского с Петром Вайлем</i>	65
Алфавитный указатель	87